

Лу Цзюэ по одному давал Се Цяо дольки мандарина, и тот, чувствуя, что не может быть таким бессердечным, похлопал Лу Цзюэ по плечу:

— Брат Хуайюй, что бы ни случилось завтра, как бы тебе ни было тяжело, я буду рядом с тобой.

Лу Цзюэ воспринял это как обычную любезность, но всё же был тронут. Он ущипнул щёку Се Цяо и сказал:

— Тогда всё доверю тебе.

Ночь становилась всё глубже. Се Цяо хотел провести с Лу Цзюэ всю ночь. Такой канун Нового года казался ему воплощением самых прекрасных воспоминаний, выплывших из реки жизни, полной сожалений. Для него это было слишком ценно, и он не хотел пропустить этот тёплый и уютный вечер с Лу Цзюэ.

Но его тело всё же не могло выдержать ночь без сна, и он, в конце концов, заснул, опершись на плечо Лу Цзюэ. Лу Цзюэ, чистивший сосновую шишку, вдруг почувствовал тяжесть на плече. Повернувшись, он увидел спокойное и белое лицо Се Цяо, мирно спящего на его плече. На его лице естественно появилась мягкая улыбка.

Он коснулся кончика носа Се Цяо, обнял его и, как обычно, поднял, аккуратно уложив на кровать. Се Цяо действительно вырос за год, и его стало тяжелее держать на руках. Думая о том, как тот растёт и меняется с каждым годом, Лу Цзюэ не смог сдержать тёплой улыбки.

...

На следующее утро Лу Цзюэ повёл Се Цяо во дворец.

Солнце медленно поднималось, император в короне и императорских одеждах одной рукой вёл женщину в мантии и с фениксовой короной на высокий помост. Зазвучала торжественная музыка, и все чиновники поклонились.

— Да здравствуют император и императрица!

Поздравления звучали повсюду, наполняя небо и землю.

К вечеру начался большой пир. Пир проходил в главном зале дворца, куда пришли все чиновники и знатные семьи Цзиньлина. Вечером город был освещён яркими огнями, и шум голосов не стихал, превращая его в настоящий город, который никогда не спит.

Се Цяо, как младший брат императора, сидел рядом с императором и императрицей, но Лу Цзюэ там не было. В зале шли танцы и музыка, и Се Цяо, пытаясь найти Лу Цзюэ, чтобы потом пойти с ним, вдруг почувствовал, как кто-то дёрнул его за рукав.

Се Цяо обернулся и увидел лицо девушки. Она была незнакомой, но и не совсем чужой. Это была Чжэн Иу, с которой он встретился на охоте два года назад. За эти годы она тоже выросла и стала ещё более красивой.

Но Се Цяо не был склонен к сантиментам и только нахмурился:

— Что тебе нужно?

Чжэн Иу посмотрела на него, словно решившись на что-то, и сказала:

— Тогда я была глупа и наговорила лишнего, но ты не рассказал своему брату, и я очень благодарна. Тебя зовут Се Цяо, да?

Се Цяо кивнул, но не успел ничего сказать, как с высокого помоста его брат позвал его по имени.

Он встал, подошёл к помосту и поклонился:

— Ваш младший брат здесь.

Император, улыбаясь, посмотрел на Се Цяо:

— Это мой младший брат, он уже вырос, и сегодня я присваиваю ему титул князя Мин.

Чиновники, стоявшие внизу, поднялись и поклонились Се Цяо с поздравлениями:

— Поздравляем ваше высочество!

Се Цяо снова поклонился:

— Ваш младший брат благодарит императора за милость.

...

Вернувшись на своё место, Се Цяо наконец понял, что Лу Цзюэ больше не было в зале. Он нахмурился, незаметно взял две бутылки горячего вина и два мандарина и вышел из зала.

В прошлой жизни, в день коронации его брата, в зале царило веселье, а Лу Цзюэ провёл пол ночи на одной из крыш дворца, пил холодное вино. Се Цяо узнал об этом только на следующий день, случайно услышав, как тот упомянул об этом. Тогда он понял, как сильно Лу Цзюэ любил его брата.

В зале было шумно, а снаружи — тихо. Се Цяо искал почти час, пока не нашёл Лу Цзюэ на крыше его старого дома.

Он поднял голову и увидел юношу в красной одежде, лежащего на высокой крыше, опершись на одну руку, а в другой держащего бутылку вина. В небе вспыхнул фейерверк, и лицо Лу Цзюэ, белое, как яшма, засветилось в его свете.

Се Цяо вздохнул, нашёл лестницу, забрался на крышу и подошёл к Лу Цзюэ. Тот, увидев его, удивился, а Се Цяо, сдерживая горечь, похлопал его по плечу:

— Брату женится, тебе тяжело, да?

Лу Цзюэ рассмеялся:

— Почему мне должно быть тяжело?

Се Цяо надулся, его глаза потускнели:

— Не скрывай, ты же любишь брата? Давай, сегодня я выпью с тобой, и ты расскажешь мне, что тебя тревожит. Я уже не маленький, могу разделить твои переживания.

Лу Цзюэ:

— ???

Лу Цзюэ громко рассмеялся, сел и ущипнул щёку Се Цяо, с удивлением и смехом:

— Когда я говорил, что люблю императора? О чём ты вообще думаешь?

Се Цяо широко раскрыл глаза, с выражением «как это возможно»:

— Ты... ты не любишь брата?

Лу Цзюэ кивнул:

— Конечно, нет. Мы с императором дружим с детства, прошли через многое, мы — друзья на всю жизнь. Где тут место для любви? Сегодня он женился на любимой женщине, и я рад за него.

Се Цяо ещё больше раскрыл глаза, его голос дрожал:

— Тогда почему ты один на крыше пьёшь вино в день его свадьбы?

Лу Цзюэ с невозмутимым видом ответил:

— Я люблю веселье и вино, но не люблю, когда меня заставляют пить. Особенно когда это делают военные.

Се Цяо резко встал, широко раскрыв глаза, его голос дрожал, словно он был в гневе:

— И всё?! Вот и всё?!

Лу Цзюэ кивнул:

— Вот и всё.

Бутылка вина, которую нёс Се Цяо, выпала, и Лу Цзюэ поднял её, сделав глоток. В небе снова вспыхнул фейерверк, и белоснежная шея Лу Цзюэ засветилась в его свете. Мандарин, который нёс Се Цяо, выкатился и с грохотом упал на землю.

Се Цяо, задыхаясь, не мог понять, что он чувствует. Он хотел схватить Лу Цзюэ за воротник и потребовать объяснений, но в то же время его переполняла горячая и тайная радость. Он был и зол, и счастлив, и одновременно чувствовал, что за всю свою жизнь в двух мирах он был просто смешон.

Лу Цзюэ, сделав глоток вина, посмотрел на Се Цяо:

— Что с тобой? Почему ты такой странный?

Се Цяо, разозлённый, наклонился и схватил Лу Цзюэ за воротник, крича:

— Это всё из-за тебя!

Крыша была неровной, и он, будучи ещё маленьким, потерял равновесие и чуть не упал, но Лу Цзюэ вовремя схватил его за руку, и он упал прямо ему на колени. Лу Цзюэ, смеясь, посмотрел на него:

— Что с тобой? Когда я тебя обидел, что ты так разозлился?

— Ничего! — сердито сказал Се Цяо.

Лу Цзюэ, выпив вина, был в хорошем настроении и, видя, как смешно выглядит Се Цяо, продолжил дразнить его:

— Ну, расскажи, а то я решу твою проблему. В этом мире нет ничего, чего бы я, Лу Хуайюй, не мог решить.

— Я сказал, ничего, ты что, не понимаешь? — Се Цяо, словно действительно превратился в ребёнка, не мог сдержать гнева.

Лу Цзюэ рассмеялся ещё громче, и Се Цяо, разозлившись, бросил в него оставшийся мандарин.

...

На небе не было луны, но звёзды светили ярко. В небе снова вспыхнул фейерверк, и вместе со звёздами он охранял тёплый свет тысяч домов.

За окном ещё темно, на горизонте несколько звёзд.

В комнате тихо горит курильница, и лёгкий дым рассеивается в воздухе. За окном ветка зимоцвета изящна и пышна, почти закрывая всё окно.

Лу Цзюэ спокойно спал на кровати. Обычно он ночевал в северном военном лагере, и только в дни отдыха оставался дома.

<http://bllate.org/book/15506/1377388>